

Дмитрий Мактаз



СЕЩИНСКИЕ РАССКАЗЫ

Дмитрий Мактаз
Сещинские рассказы

«Издательские решения»

Мактаз Д.

Сещинские рассказы / Д. Мактаз — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-855036-2

Чужая жизнь всегда кажется интересней и насыщенной событиями. Мы зачастую готовы жадно смотреть и слушать как интересно живёт кто-то другой, напрочь игнорируя свои собственные приключения. Маленькие забавности и нелепицы вокруг нас теряются, незамеченные нами в суете дней. Такие микроприключения сопровождают нас чуть ли не каждый день и являются легкой перчинкой в постном блюде повседневности. Достаточно оглянуться вокруг себя, чтобы заметить, как же много интересного происходит вокруг нас.

ISBN 978-5-44-855036-2

© Мактаз Д.
© Издательские решения

Содержание

Деревня Сеща и её обитатели	6
Апокалипсис или конец это только начало Света	7 16
Баня	22
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Сещинские рассказы

Дмитрий Мактаз

© Дмитрий Мактаз, 2017

ISBN 978-5-4485-5036-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Деревня Сеща и её обитатели

Предисловие

Чужая жизнь всегда кажется интересней и насыщенней событиями. Мы зачастую готовы жадно смотреть и слушать, как интересно живёт кто-то другой, напрочь игнорирую свои собственные приключения. Маленькие забавности и нелепицы вокруг нас, теряются незамеченными нами в суете дней. Они меркнут на фоне больших проблем или грандиозных потрясений. Такие микро приключения сопровождают нас чуть ли не каждый день и являются легкой перчинкой в постном блюде повседневности. Достаточно оглянуться вокруг себя, чтобы заметить как же много чего интересного ежедневно происходит вокруг нас самих.

Осознать простой факт – «жизнь это приключение!», мне помог мой «Деревенский проект», который свалился на меня, как снег на голову. То ради чего он начинался и как задумывался, в результате, не имеет ничего общего с тем во что он вылился. События которые при этом происходили со мной (типичным городским жителем) и окружающими меня людьми я решил запечатлеть в «граните» печатного слова. Каждое из них я воспринял как приключение, которое приятно вспомнить и поделиться с другими.

Как ни странно, но в маленьком пространстве деревни легче заметить – как же кипит вокруг тебя жизнь. И я очень рад тому факту, что у меня появился свой домик в деревне, который полностью преобразил мою жизнь. Наполнил ее новым смыслом и вдохнул в меня свежий ветер перемен. Поскольку я уверен, что всё не случайно в нашей жизни, то мне хочется рассказать о том, как и чем живут люди вне города.

Возможно, кого-то мой личный опыт воодушевит самому попробовать себя за уютными городскими стенами. И именно вы, начнете собственный проект и получите свою порцию незабываемых приключений. Прячась за мониторами и убаюканные телевизором, мы разучились видеть жизнь, которая бурлит и клокочет рядом с нами. С каждым днем мы все больше становимся наблюдателями, а не созидателями. И мой призыв – это призыв действия. Еще не поздно вспомнить, что созидание своими руками, заложено у нас в крови. Вспомнить и начать действовать.

В своих рассказах я описываю то чему был свидетель или слышал их от участников событий. Практически имена всех людей в них изменены. Буду рад если мои истории вызовут у вас добрую улыбку и поднимут настроение. Значит, все мы, их герои прожили свои истории не зря.

Апокалипсис или конец это только начало

В начале лета 2011 года я был абсолютно уверен, что грядет Апокалипсис и пора с этим что-то делать. На тот момент жизни, эта мысль мне казалось настолько здоровой и естественной, что любые сомнения и насмешки окружающих лишь убеждали меня в своей правоте. И чем больше меня пытались переубедить в обратном, тем крепче становилась моя вера. Конец цивилизации в моем представлении был неминуем.

Одним словом, я уверовал. И как свежий неопит новоя, был одержим своим истинным знанием. Друзей, родственников, сотрудников на работе и просто мало знакомых людей, часто попадающихся в подвыпивших компаниях, я пугал грозными знаменами, знаками свыше и другим малопонятным бредом. Вещал я горячо и истово, как не признанный пророк в своем отечестве.

Моя подруга Ольга относилась к моей навязчивой идее снисходительно, по принципу: во чтобы дитя не верило, лишь бы было рядом. Тем не менее, она не мешала мне верить и вносила посильную лепту своим критическими замечаниями. В общем, всё тогда меня лишь подогревало и убеждало в истинности моего пути. К моменту наивысшего пика моей экзальтированной убежденности в неизбежности конца всего сущего, я вдруг осознал, что пришло время действовать, а не только заламывать руки и призывать всех к спасению и покаянию.

Моё волевое решение было сродни решению Ноя, осознавшего, что спасительный Ковчег нужно строить сейчас или никогда. Нужно было учесть тот факт, что Ноем в этом вопросе активно помогал Бог, а я был решительно обделен его вниманием. К тому же от Великого патриарха меня отличало, отсутствие чертежей и подробных инструкций от Господа. Прямую связь с Всевышним мне заменил мой лучший друг Димон.

О нём стоит упомянуть отдельно. За год до судьбоносных событий мой друг осуществил свою мечту и перебрался в деревню. Он купил дом! Уехал в глушь, в деревню, но не Саратов, а гораздо ближе – в Белоруссию, деревню Мозоли. Объяснялось его добровольное изгнание разными причинами, но основная заключалась в наличии, поблизости от Мозолей, его отца Бориса Степановича.

Борис Степанович возрадовался возвращению своего чада под отцовское крыло настолько, что в порыве чувств помог блудному сыну с покупкой деревянного дома. Самого что ни на есть аутентичного, деревянного дома со всеми его достоинствами и недостатками. Основным достоинством дома было наличие русской печки, гордо возвышающейся посреди комнаты каменной громадой и занимающей треть жилой площади. Не маловажным было наличие сада и большого неводеланного огорода. К недостаткам можно лишь причислить преклонный возраст деревянного строения. Оно вполне мог застать поход Суворова к Альпам через Мозоли. Еще дом имел легкую скособооченность на один угол и страдал полным отсутствием воды и газа – тех самых маленьких удобств, что делают жизнь горожан удобной и вполне терпимой.

Моего друга такие трудности лишь подзадорили и бросили вызов его интеллекту и желанию все сделать своими руками. Надо отдать должное его пылливому уму, с которым он эти руки прикладывал. Что тут скажешь, у него появилась цель и возможность. За год, отпущенный ему неумолимым временем, он смог поднять домкратом дом и выровнять его угол, провести внутрь воду и полностью разобрать и собрать печь, вдохнув в нее новую жизнь и качество горения.

Огород он также не обошел своим вниманием и тот отплатил ему сторицей – хорошим урожаем. Димон сиял и был счастлив. Наконец-то он творил руками и у него это получалось! Для человека, десять лет занимающимся системным администрированием – это был прорыв. Дела, одним словом, у него шли хорошо. Всю зиму мы переписывались письмами и изредка

виделись в Москве, когда он выезжал из своей берлоги на пару дней в столицу. Я был вдохновлен его примером и грезил своим собственным домом.

Подогреваемый успехом Димона и подгоняемый сжатыми сроками приближающегося конца света, я наконец решил заняться поисками своей обители. Той самой в которой я с близкими мог спокойно и более менее комфортно встретить Апокалипсис. К моменту описываемых событий на работе наметилось затишье и я воспринял это за благой знак. Димон, не успев отряхнуть пыль дорог у моей двери, был срочно призван на разведслужбу. Начались поиски моего будущего жилища. Эпоха поисков протекала мирно и большая часть её времени проходила в интернете. Мы лопатили сайты с недвижимостью по продаже домов в деревне.

Следует отметить сам алгоритм поисков. Исходя из моих выводов, истинных и не подлежащих сомнению, мы не могли точно знать, что человечеству подкинет злодейка судьба и как всё это мероприятие будет протекать. Знали лишь то, что если грядет неминуемое, то носить это будет глобальный характер и остановились на старом и уже обкатанном варианте – Всемирном потоке или его местном эквиваленте. Заглянули в географические атласы и пришли к неутешительному выводу – что восточно-европейскую часть России пересекает голубой шрам водораздела. Огромным водным барьером он разделил Россию на две части – европейскую и восточную. Причём жизнь, как нам казалось, начинается на востоке, не иначе как за Уралом. И первоначальные планы спасения строились на переезде в Сибирь.

От всех новых переселенцев-сибиряков нас отличало добровольность переезда туда и легкий налет идиотизма. Я ничего не хочу сказать плохого о Сибиряках и о самой матушки-Сибири, но мои познания о жизни в ней я черпал: из телевизора, восторженных отзывов туристов, побывавших в разных её точках в качестве гостей, но никак не коренными жителями, и смутно-радостных детских воспоминаниях Димона, родившегося и частично выросшего в чертогах Комсомольска-на-Амуре.

В общем, я достаточно трезво оценивал уровень моих познаний и реальную возможность жить в Сибири. Реальность победила! Каким-то образом мы сменили алгоритм поисков и обратили свои взоры на Запад России. Теперь изменился подход к проблеме и мы решили, что при любом раскладе, даже самом невероятном, нужно отталкиваться от того, как поведут себя люди в ситуации полного Краха.

Будучи людьми начитанными и знающими поведенческие особенности толпы, мы быстро поняли, что города (любые города) в мгновения ока превратятся в ловушки. И выбраться из них полбеде, нужно ещё добраться до места так, чтобы у тебя на плечах не пришла сотня-другая беженцев и тебя не грохнули по дороге многочисленные банды мародеров. Появление бандитов и мародеров уже в первые часы катастрофы не вызывало у нас никакого сомнения.

Учитывая, что город Москва мегаполис, то желающих пожить зажавшимися Москвичами и гостями столицы будет предостаточно. Да и сами жители мегаполиса и близлежащих городов, в долгу не останутся и будут стремиться прокормить себя и обрести новый кров. Посему мы очертили радиус наших поисков так, чтобы беженцы и уцелевшие из больших городов не добрались туда очень долго, а желательно никогда.

Примерная отдаленность от Москвы должна не превышать заправки бака машины и быть не менее 350 км. Итак, в связи с новой концепцией, был разработан новый алгоритм и мы начали искать дома в радиусе пятиста километров. За месяц мы стали счастливыми обладателями списка подходящих домов в Брянской, Калужской и Смоленских областях и собрались в поход за призом. В начале осени, в перерывах моей работы, мы начали совершать свои первые вылазки. Разъезжая по раздобытым адресам мы столкнулись с реалиями нашей Великой Родины, а именно: либо качество дома не соответствовало цене, либо цена не соответствовала качеству дома.

Большинство увиденных строений навивало мысль о тщетности поиска дома своей мечты за вменяемые деньги, но я не сдавался и лишь настаивал на новых маршрутах. Так в одну

из своих вылазок мы достигли почти окраин города Брянска где познакомились с супружеской парой риелторов, которые прониклись нашим желанием найти домик в деревне для мамы, ибо такова была официальная версия и провели для нас целое турне по городам и весям Брянщины. Дороги по которым мы колесили наводили на подозрения, что наши войска только что отбomberились по вражеским позициям. Медленно и насторожено мы частенько объезжали большие дыры посреди дороги, круглой формы и подозрительно смахивающие на свежие воронки.

Долго ли коротко ли, но партизанские тропы риелторов вывели нас в конце концов в посёлок Сеща, далеко на отшибе которого затерялся небольшой каменный домик. Позже я изучал карты местности и просто понять не мог, как мы вообще туда попали, а главное, зачем так добирались, напрочь игнорирую наличие прямой и ровной дороги из Брянска. Как бы то ни было, но тур по Брянщине привел мою поисковую экспедицию к цели своего путешествия. Мы подъехали к белому дому на страже которого стояли три огромные березы.

Домик имел газ и рядом стоящую скважину с водой, был облицован белым кирпичом и имел немного странную форму, как будто на ровный квадрат дома напаяли фигурку из конструктора Лего – к боку дома, была прилеплена кирпичная пристройка в форме буквы Г. Со слов риэлторов, в дальней части пристройки скрывался заявленный продавцом туалет, но еще не запущенный в эксплуатацию. Не знаю, что вдохновило его создателя на такую странную архитектуру дома, то ли бушующий в те годы на просторах нашей Родины Феншуй, инфицировавший автора, то ли какие-то другие эстетические взгляды на жизнь. Об этом уже никому не узнать. Эту загадку строитель унес с собой в могилу.

Мы с Димом провели осмотр владений и остались довольны увиденным. Белый каменный дом стоял на просторном участке площадью в около 35 соток, половину из которых занимал огород. Имелись дополнительные постройки в виде двух больших сараев и полуразвалившегося дровника, с законспирированным внутри погребом. За сараями, выдержанными в том же загадочном стиле что и дом, раскинулся небольшой сад с яблонями и вкраплениями кустов смородины. Но больше всего удивило наличие грецкого ореха, скромно притулившись в дальнем уголке фруктового сада. Налет запустения царил в саду и огороде.

Пока мы осматривали участок подошла еще не старая женщина, сухая как высохшая ветка дуба и такая же крепкая. Она представилась сестрой хозяйки и принесла ключ от дома. Мы продолжили экскурсию уже внутри. Сестра хозяйки любезно выступила в роли гида и в отличии от риэлторов, то и дело путавшихся в показаниях, давала объективную информацию. Собственно, дом состоял из двух помещений: большой жилой комнаты, обклеенной обоями, выцветшими картинами с ликом святых и комплектом мягкой мебели (не иначе гарнитур генеральши Поповой), пристроенной узкой как пенал кухни, щеголяющей газовым котлом с плитой и двумя небольшими, но пластиковыми окнами. Все это кухонное великолепие почему-то концентрировалось в одном углу, а другой конец кухни-пенала упирался в деревянный щит, за которым скрывалась новая пристройка с загадочным туалетом, не введенным еще в эксплуатацию.

О том как выглядит, восхваляемый риелторами санузел сестра хозяйки имела весьма смутные представления. В общем, дом был явно жилым. В нем был газовый котел с отоплением в виде системы труб, охватывающие комнату и кухню толстыми белыми трубами-змеями. Наличествовало электричество и водяная колонка, застывшая у крыльца дома в тщетной попытке попасть внутрь.

Это было лучшее из того, что мы видели ранее. Коробку дома венчала шиферная четырехскатная крыша, пространство под которой было гордо заявлено как второй этаж. Попасть на второй этаж можно было только с улицы по приставной лестнице, пройдя по крыше пристройки. Я поднялся наверх осмотрел помещение и понял, что это не тянет даже на чердак, не говоря уж о мансарде, заявленной риелторами. Сколоченная кровля, на скорую руку, с пустым и продуваемым пространством внутри, ограниченное крепкими фронтонами.

Стоимость за этот архитектурный изыск риелторы заломили как за двухэтажный коттедж с паровым отоплением, и как минимум позолоченным унитазом. Представитель покупателя, нервно сглотнула, внезапно осознав, что она показывает элитную недвижимость, а не запущенный домик в деревне. Я по достоинству оценил аппетит риелторов и решительно расклянчился с ними, ссылаясь на отсутствие чувства юмора и несерьезность предложения. Труженники недвижимости не оценили моей иронии и качестве жеста доброй воли предложили мне скидку аж в пять тысяч рублей, от всей своей широкой души. Я вежливо отклонил щедрое предложения и мы расстались, уверив друг друга в дальнейшей встрече, которая к счастью, так и не состоялась.

Я решил дальше продолжить поиски своей мечты. Мы объехали еще пару домов в округе, но так ничего достойного и не нашли. Разочарованные и усталые мы вернулись в Москву.

Долгие поездки и поиски измотали меня вконец, и я взял короткий тайм-аут, погрузившись с головой в работу, в которой я давно манкировал своими обязанностями. Димон же уехал в свою Белорусскую берлогу, где пропал в водовороте сельскохозяйственных забот. Через месяц мой друг вновь появился у порога моего Московского жилища свежий и полон сил. Мыслями я часто возвращался к белому каменному домику, так сильно переоцененный Брянскими риелторами. Димон был согласен со мной, что из всего виденного это наилучшее предложение за реальные деньги. Мой повторный звонок риелторам с предложением о снижении цены разбилась об стену жадности последних. Цену не только не снизили, а напротив подняли ее двадцать пять тысяч рублей. И тогда я решил рискнуть...

Мы собрались в дорогу и поехали в Сещу на удачу. Я решил выйти напрямую на продавца дома. Сестра хозяйки, любезно показавшая нам дом, работала рядом на бензозаправке, о чем она несколько раз нам повторила при встрече. Мне показалось это хорошим знаком и мы решительно подъехали к нужному месту.

Две бензоколонки и маленькая будка оператора гордо именовались заправкой. В тот день сестра хозяйки Галя не работала, но ее напарница позвонила ей и та быстро приехала на велосипеде. Мы еще раз осмотрели дом на этот раз основательно и неторопливо. Он вновь мне приглянулся и показался уютным. Решение было принято. Я оставил свой телефон Гале и попросил хозяйку дома позвонить мне напрямую. На том с Галей мы и расстались.

Через две недели хозяйка мне позвонила, представившись Надеждой, она сразу взяла быка за рога, не заморачиваясь на долгие прелюдии. Я обозначил ситуацию и свои возможности, не совместимые с аппетитами ее риелторов. Надежда запнулась на полуслове услышав сумму назначенную посредниками от недвижимости и легко согласилась скинуть цену до приемлемого уровня. Дело сдвинулось с мертвой точки и нужно было ковать железо пока горячо. Встреча с Надеждой состоялась только через месяц. С ее слов, она перенесла операцию связанную с сердцем и ей требовалось время чтобы прийти в себя для дальней дороги. Для переговоров Надежде предстояло ехать в деревню из Питера, а мне из Москвы.

Месяц пролетел в заботах и хлопотах на работе. Димон отбыл к себе в Мозоли и не подавал признаков жизни, на связь не выходил. Одно слово – хозяйство. Да и зима уже вступила в свои права. Год подкатывался к своему календарному концу и у всех хватало забот. Я же не переставал строить планы по спасению своих близких и друзей, составляя списки всего необходимого для выживания в постапокалиптическом мире. Наконец-то пришло время нашей встречи и я выехал в деревню на randevu поездом, с расчетом приехать утром, а уехать вечером.

В назначенный день января мы встретились в домике Надежды и обсудили детали купли-продажи моего потенциального жилища-убежища. Учитывая, что это была моя первая покупка недвижимости, то я изрядно нервничал, ожидая подвоха или изматывающих торгов.

Надя, оказалась женщиной пышных форм и достоинств, и была полной противоположностью своей суховатой сестры. Она фонтанировала многословием с легким налетом кокет-

ства шестидесяти двух летней женщины. Надежда моментально погрузила меня в омут своих страданий и проблем с непринужденностью старого знакомого. Вкратце ее текст периодически сводился к фразе «мне очень нужны деньги на операцию». Ее легенда о предстоящей операции ничем не уступала моей легенде о домике для мамы (понятия не имею откуда вообще взялась эта версия), так что мы оба внимательно слушали друг друга.

Выслушав моя историю о «домике для мамы», Надя не моргнув глазом заявила, что вынуждена поднять цену на двадцать тысяч против ранее оговоренной суммы. Я нервно сглотнул и попытался контратаковать ее и вернуть утраченные позиции. Надя была непоколебима, она участливо вздыхала и сетовала на врачей-грабителей. Переговоры зашли в тупик, новая цена превосходила мой финансовый лимит. Мы взяли паузу. Надя любезно предложила отобедать чем Бог послал.

Со Всевышним она явно была в хороших отношениях и обедать любила широко. После большой тарелки курицы-оливье-картошки она хлопнула руками себя по бедрам, резво вскочила со стула и скрылась в недрах кухоньки. Большая и запотевшая, как в рекламе, бутылка водки заняла на столе свое почетное место.

– Врачи разрешают мне пятьдесят граммов для здоровья. – поведала мне, тяжело вздыхая Надя.

Я понимающе кивнул головой и сочувственно вздохнул. Где-то на половине бутылке я понял, что быстро начинаю косеть – то ли от количества водки, то ли от массива информации щедро льющегося из уст хозяйки дома. К этому моменту Надя вплотную подобралась к рассказу о ее втором замужестве...

– ... и тогда Коля решился пригласить меня в гости... – эхом доносился до меня голос хозяйки дома.

– ... а диван этот раздобыл Коля, когда я купила этот дом для нас. – всхлипнула она вдруг и трагически замолчала.

До моего автобуса на Смоленск оставалось часов пять и я понял, что не сдюжу продержаться до конца автобиографии этой многословной женщины. Вдруг Надя внезапно оборвала поток своих воспоминаний.

– Скину десять тысяч, только потому, что понравился ты мне. – кокетливо подмигнув, молвила эта мадам Грицацуева.

– По рукам! – радостно согласился я. – Деньги будут через три-четыре дня. Тогда и оформим сделку.

Надя согласилась, махнула еще одну стопочку и предложила покимарить мне на диване до приезда автобуса, с чем я с благодарностью согласился. Лёд тронулся! Приехав в Москву, я вновь призвал на помощь своего друга Димона и озадачил его предстоящей поездкой в Сещу. Димон больше из любопытства, чем из соображений мне помочь, согласился на эту вылазку, выдвинув жесткое условие ехать поездом. В моей машине его изрядно просквозило, да и утомили всех нас к тому моменту автомобильные путешествия.

В назначенный день и час мы вновь встретились с Надеждой, в пока еще ее доме. Она, как и я, была усилена командой единомышленников. Если с моей стороны выступал один, но крупный соратник – Димон, то Надю окружили две высушенные временем женщины, которые вдвоем вполне могли сойти за одну Надю. Женщины были представлены как сестры и смотрелись грозно. Они бросали на нас выразительные взгляды и нетерпеливо перетаптывались на месте, словно готовясь сорваться с места в галоп. Я улыбнулся уже знакомой мне Гале, но моя улыбка разбилась о непроницаемость ее брони, так и не достигнув ее лицевого кожного покрова. Надя, напротив была весела и раскована, вальяжно перемещаясь по комнате. Угостив всех горячим чаем, она лихо махнула рюмочку водки для здоровья, и скомандовала «Выдвигаемся!».

Две сестры, до этого скупое и сдержанное, словно они обжигали им рты, резво вскочили на ноги и радостно защебетали между собой. Мы с Димоном вышли на улицу первыми, ожидая всех остальных. Надя и сестры не заставили себя долго ждать. Дружной группой мы выдвинулись в Сещу, на вокзал по всем правилам передвижения военизированной колонны. В авангарде на рысях шли сестры, выполняя роль разведчиков и дозорных, в центре важно шествовала Надежда, мы же с Димоном плелись арьергардным обозом, прикрывая тылы. Так разбившись на группы мы достигли вокзала и выехали на электричке в районный город – Дубровка. В нем-то и вершились все таинства свершения сделок по купле-продаже.

Дубровка нас встретила радостным солнечным светом и лужами слякоти у нотариальной конторы. Форсировав неожиданное препятствие, мы уперлись носом в плотную толпу людей, стремящуюся скорее выплеснуться из дверей конторы, чем вплеснуться внутрь. Я с тоской обозрел, наверное, половину населения районного городка и прикинул в каком часу следующего утра мы сможем достичь вождельных дверей нотариуса. Надя же, не сбавляя скорости движения, вспорола толпу экскаваторным ковшом своей необъятной груди, оставляя в кильватере немного пространства, в котором смог поместиться я и возмущенные вопли пострадавших.

Не реагирую на возмущения и гневные реплики помятых людей, Надя, со мной на хвосте, достигла комнаты секретаря. Распахнув дверь, вместе с зазевавшимся старичком, она закончила свой разбег в кабинете и теперь инерция несла ее к столу секретаря, грозя смести его со своего тормозного пути. Вовремя справившись с неумолимыми законами физики, Надежда замерла над столом, закрыв наполовину его своим бюстом. На последней секунде закрывающейся двери, с зазевавшимся старичком я едва успел проскользнуть в кабинет. Теперь можно было перевести дух. Секретарь, обладатель пышной прически и очень звонкого голоса, оказалась женщиной более скромных размеров и достоинств, чем Надежда. Пока я переводил дыхание женщины уже успели обсудить детали договора купли-продажи.

Требовались лишь данные моего паспорта для договора. Секретарь быстро внесла всю нужную информацию в «рыбу» договора, распечатала бланк и втокнула нас в следующую дверь, где и притаился нотариус. Молодая женщина с цепкими глазами на миловидном лице, внимательно выслушала сбивчивую речь секретаря, что мы записаны на это время (когда только успели?) кивнула нам и красивым глубоким голосом предложила присесть. Она бегло пробежала взглядом договор, сравнила наши паспортные данные и внимательно просканировала глазами нас обоих. Не знаю, что женщина-нотариус считала с моей ауры, но на Надежде она задержала свой взгляд-рентген. Вся эта процедура сканирования протекала в абсолютной тишине, под мерное тиканье настенных часов и заняла несколько минут. Могу представить, чего это нечеловеческое испытание стоило Наде – молчать столько времени.

Нотариус предложила нам ознакомиться с договором и проверить свои паспортные данные. Мы с Надей углубились в изучение документа. Все было нормально и вопросов у меня не возникло. Возник вопрос у нотариуса. Она поинтересовалась как я внесу деньги продавцу, и готовы ли мы подписать наш договор? «Как оплачивать?» Этот вопрос терзал меня всю дорогу. По договоренности с Надеждой, деньги я должен был перевести на ее банковскую карту.

Смушал в этом меня только один момент, что факт перечисления денег на карту я мог просто не доказать. Пришлось рискнуть. Нотариус внимательно выслушала мои сомнения на это счет, покивала головой и поинтересовалась уже у Нади почему выбран именно такой способ оплаты. Надежда, напустила на себя горестный вид и скороговоркой запричитала о превратностях судьбы и предстоящей операции. Небрежным взмахом руки нотариус прервала сольное выступление Нади.

– Вы можете положить деньги на счет через Сбербанк. Принесите мне квитанцию об оплате. После подпишите договор. – молвила нотариус и дала нам понять, что аудиенция закончена.

Мы с Надеждой покинули кабинет и вышли в холл. Глупо было думать, что толпа разъяренных людей, сквозь которых мы с Надей бесцеремонно проложили свой маршрут к нотариусу, радостно воспримет наше возвращение. Нас ждали. И это были не радостные крики и громкие овации. Возмущенный рев голосов обрушился на нас пудовым молотом, грозя раздавить нас тяжестью обвинений и высокими децибелами. Горестная, больная и нуждающаяся в срочной операции Надежда в миг преобразилась в грозную боевую машину. Ни говоря ни слова она взяла от двери короткий разбег и врезалась в толпу...

Второй мой проход не остался безнаказанным и безболезненным. Изрядно помятый и разгоряченный, я вылетел из дверей конторы пробкой из под шампанского и тяжело отдышался. На безопасном расстоянии от дверей нотариальной конторы и беснующейся в ней толпы, стоял Димон и рысистые сестры, демонстрируя равнодушие и всяческое не причастие к главным героям этого бардака. Не могу их за это осуждать, пока мы гостили внутри они вынуждены были нас ждать снаружи. На этот раз мы не стали растягиваться в колонну, а плотной группой двинулись в сторону сбербанка завершить дело.

Отделение сбербанка встретило нас предвкушением обеденного перерыва, до которого оставалось менее десяти минут. Сотрудники всячески давали понять своим клиентам о надвигающемся перерыве на обед, периодически громко сообщая им об этом радостном событии. Мы ворвались в эту сонную обитель плотным строем и решительно двинулись к операционистке. Тень отчаяния мелькнула в ее глазах, судя по нашим лицам отшить нас, сославшись на пятиминутную готовность к обеду, представлялось маловероятным. Я объяснил операционистке суть нашего визита и она тут же обрадовала меня новостью, что деньги я могу внести через банкомат, т. к. касса сейчас не может принять от меня всю сумму. Из ее путанных объяснений я понял одно, мы пришли очень не кстати, и ей совсем не нравится перспектива тратить на меня время, не предусмотренное регламентом.

Ничего другого не оставалось как оплатить через банкомат. В дальнем углу, просторного зала Сбербанка, сиротливо затерялись два банкомата. К ним я и направился. Набрал цепочку цифр, я начал скармливать безучастной машине денежные купюры. Операция не представлялась мне сложной и примерно половина моих купюр уже нашли новое пристанище в ненасытном брюхе банкомата, как вдруг...

– Боже мой, сердце, сердце что-то схватило! – раздался сзади меня голос Нади, пробившись сквозь фоновый шум в зале – Зря я согласилась на такую сумму! Обмануть меня хотят эти Москвичи! Зря все это! О-о-о-xxx.

Гробовая тишина ударной волной прошла по всему залу Сбербанка, отразилась от стеклянных дверей кассовой каморки и вернулась ко мне. Я очень медленно повернулся на голос Нади, утешая себя мыслью, что мне все послышалось.

– Я звонила людям и они назвали мне настоящую стоимость дома. Нужно было поднять цен!. Ааааахххх! – надрывалась Надежда, медленно сползая со стула и пытаясь уместить свое большое тело на полу. Бледный Димон бросился на помощь больной женщине, подхватил ее под руки и попытался усадить ее обратно на стул. Охающая Надя повисла на руках Димона, не проявляя желания вернуть своему телу сидячее положение и пытаясь схватиться рукой за грудь, в тщетной попытке нащупать заболевшее сердце или хотя бы обозначить место его нахождения.

Сестры которым, собственно говоря ораторствовала Надя, застыли неподвижными столбами, всем своим видом давая понять, что они готовы провалиться сквозь землю. Посетители и работники банка с интересом наблюдали разворачивающееся шоу. Я же лихорадочно пытался подсчитать сколько денег я успел скормить банкомату, покрываясь испариной.

– Женщина! Вам плохо? Вызвать скорую? – раздался властный голос, как гром с ясного неба. Из недр служебного помещения, цокая каблуками, выдвинулась высокая женщина, судя по голосу и уверенному поведению облеченная властью. Она подошла к растекающейся в руках Димона Надежде и склонившись к ней призвала ее к ответу:

– Что. Здесь. Происходит? – Пропечатала она каждое слово, как на печатной машинке.

Надя внезапно обрела силы, сумела притулится на стуле и жалобно заскулила о больном сердце. На начальницу это не произвело никакого впечатления и она попросила, в приказном тоне, вести себя достойно в общественном месте и если нужна скорая помощь, то сообщить об этом охраннику. Окинув сердитым взглядом нашу группу она крутанулась на каблуках и царственно отбыла обратно.

Внезапно заболевшая Надежда уже взяла себя в руки и с отсутствующим видом уселась на стул. Она стала испепелять взглядом сестер, что-то злобно шипя в их сторону. Меня охватило чувство сюрреализма всего происходящего. Оценив обстановку я решил закончить начатое и засунул на автомате остаток купюр в банкомат. Получив чек, я попросил у операционистки распечатать мне квитанцию о вложенной сумме. Моя просьба была исполнена незамедлительно. Маятник обеденного перерыва уже отсчитал лишние пять минут и видеть нас здесь были уже не рады.

Квитанцию я получил и охранник быстро нас выпроводил за дверь. Надя, как ни в чем не бывало, вышла из банка и заявила, что ей нужно срочно поесть, а то от голода ей становится плохо. Сестры сказали, что встретятся с нами на вокзале и растворились в толпе прохожих. Мы с Димоном взяли Надежу под руки и зашли в первое же кафе где и пообедали. Со свежими силами мы вернулись в нотариальную контору. Здание нас встретило нас загадочной безлюдностью и тишиной.

Я так и не понял куда и зачем стояли люди, сквозь плотные ряды которых нам пришлось прорываться? За час нашего отсутствия, нотариус не изменила позы в которой мы ее оставили. Изучив квитанции и чеки об оплате, юрист невозмутимый как сфинкс, пододвинула к нам на подпись договора. Быстро покончив с формальностями, мы с Надей без приключений покинули кабинет нотариуса и отправились на вокзал. Дело было сделано! Теперь мы возвращались уже в мой дом. Надя выглядела уставшей и подавленной, односложно отвечая на вопросы весь обратный путь.

Добравшись домой, Надежда вручила мне ключи от дома, провела краткий инструктаж по уходу за ним. Забрав с собой увесистую сумку, она ушла вместе с сестрами, пообещав мне вернуться за какими-то вещами. Проект «Апокалипсис» вступал в свою активную фазу. Был выполнен главный его пункт – наличие убежища. С раздутым самолюбием я покидал Сещу и свой новый дом, направившись в Москву.

Через пару недель я вновь посетил Дубровку, дабы получить на руки документы, подтверждающие мое право на собственность дома и земельного участка. Подходя к нотариальной конторе я был готов ко всяким неожиданностям, и на всякий случай натянул на себя капюшон куртки. Тесный холл здания, в котором располагалась контора, встретил меня парочкой посетителей.

Та же женщина-нотариус, с миловидным лицом и цепким взглядом, приняла меня и вручила необходимые документы для официального счастья. Запасной комплект ключей мне выдала Галина, одна сестер Нади. Она подкармливала собаку, доставшаяся мне по наследству. Галя смущаясь сообщила мне, что бывшая хозяйка дома напоследок навестила мою новую обитель и кое-что прихватила с собой, что именно она не знает. Моё новое жилище встретило меня хаосом запустения и яркими свидетельствами мародерства.

Осмотрев дом, я быстро прикинул список этого «кое-что» и мысленно усмехнулся жадности Нади. Все что можно было унести – унесли, включая занавески с окон, вместе с карнизами выдранных «с мясом». Диван и пару кресел уцелели при разделе имущества и сиротливо

смотрелись в почти пустой комнате. На дверном полотне, покоящегося на двух ведрах, посреди комнаты и выполняющей роль обеденного стола, белел клочок бумаги. Записка от Нади. Это было целое послание, в котором был список предметов, включая банки варенья, за которыми Надежда обязательно вернется и строгим наказом ничего этого не трогать, ибо будет проведена полная ревизия этих самых банок.

Теперь будучи уже полностью официальным хозяином дома, я мог не обращать внимание на подобную чушь и развел бурную деятельность по благоустройству жилья и своего хозяйства. Совмещать работу и поднимать дом, конечно, я один не мог, для этого требовался помощник. Такой человек был – Димон. Он приехал в марте из своих Мозолей и надолго осел у меня в деревне.

Мы проделали колоссальную работу до конца года и предполагаемой даты Апокалипсиса. Тот самый долгожданный день, который я умудрился встретить на работе. Мы с Димоном сделали мой дом буквально жилым, многое успев в нем поменять и улучшить. Я завел коз, баранов и целую орду петухов. Вместо ожидаемого конца я получил начало другой и потрясающе интересной жизни, наполненной новыми делами, заботами, проблемами и неожиданными результатами, но это уже другая история...

Света

Ничто не предвещало появление нового действующего лица в моей тихой деревушке. Света появилась внезапно, но неожиданно надолго.

Не помню как, но я уговорил своего приятеля Виталика организовать экспедицию по срочной эвакуации имущества Димона из Белоруссии. Да и сам Димон как-то резко активизировался и начал меня убеждать прямо-таки в необходимости и насущности этой поездки. Я в свою очередь перекинул эту эстафету Виталику и он, вполне в духе своего характера, достаточно быстро согласился и засобирался в дорогу. Дорога для Виталика это вызов его мятежному духу водителя и покорителя дорог, поэтому ее нужно преодолевать быстро, желательно в один день. Только такой пустяк, как расстояние в тысячу верст, может приостановить его порыв доехать «сейчас и немедленно». Долго ли, коротко ли, но утром в субботу пробег Москва-Сеща-Мозоли-Сеща-Москва стартовал. «Гошик» взревел движком и рванул в путь, подгоняемый вперед неутомимым Виталиком.

К сожалению, я не смог стать участником тех событий и мне досталась роль удаленного наблюдателя.

Первая часть автопробега прошла успешно, Виталик к обеду достиг Сещи, оперативно запахнул разглагольствующего Димона в машину и, не вступая в долгие дебаты на тему, почему-он-не-хочет-отдохнуть-и-поехать-попозже, взял курс на деревню Мозоли. В принципе, я могу представить их дорогу до Мозолей. Протекала она спокойно, под неспешный монолог Димона, который запивал пивом длинные предложения и слегка раздражал Виталика периодическими просьбами остановиться пописать. К вечеру товарищи доехали до Мозолей слегка окосевшие от пива, с отупевшей головой и отсиженным, от тысячемильного пробега, задами. Собственно, сама история с их приезда в Мозоли в дом Димона и начинается.

По приезду мой друг Димон стряхнул с себя пивной дурман и бросился проводить ревизию своего хозяйства. Как оказалось не зря.

Ставший ему родным дом, встретил его дружелюбно распахнутыми дверями со следами недавнего взлома. Этот удар Димон вынес стойчески и списал произошедшее на вороватых соседей и их навязчивое желание найти у него в доме и на участке спрятанную выпивку. Он был готов к такому сценарию, поэтому ценное имущество и стратегические запасы в доме не хранил. Причем, до сих пор загадка, где он устраивал схроны, но понятно, зачем. Пробежавшись по дому и бегло оценив ущерб, он стал звать и пересчитывать птицу.

Вообще, птица и всякое домашнее и полу-домашнее зверье в Белоруссии заслуживает отдельной главы. Зачастую, это совершенно независимые от своих хозяев существа. К примеру, дворовых собак принципиально не кормят. Вопрос питания стоит просто – что нашел, то и съел. И тот факт, что они могут найти ту же птицу у твоих соседей, не играет никакой роли в этой местности. Птица, как и любое живое существо, которое меньше и слабее собаки, к такому повороту событий готова и легко может дать отпор, контратаковав зарвавшуюся псину организованным птичьим коллективом. Такая, сплоченная в боях за выживание, боевая дружина кур и гусей была на службе и у Димона. Их то он и бросился проверять на предмет наличия...

Результат был удручающим. За неполный месяц отсутствия птичье поголовье понесло существенные потери. Взвод кур, возглавляемый полудиким петухом, бесстрашно нападавшим на любого противника, теперь не дотягивал даже до неукомплектованного отделения. Отчаянная храбрость петуха и сплоченность птичьей группы столкнулись с вороватыми соседями, которых куры привлекали не меньше выпивки, а также с залетными собаками и прочими непредсказуемыми ударами судьбы.

В результате, петух, пребывая в состоянии легкого помешательства, решил отстоять последних четырех «дам» любой ценой и бросился, очертя голову, на своего хозяина. Бунт был быстро подавлен, а съехавшего с катушек петуха связали и бросили с остатками дружины в тёмную. С гусями дело обстояло еще хуже. Они не отвечали на призывные крики хозяина и не торопились вкусить привезенные им гостинцы. Их просто не было. Зато на его зов явилась соседка, по имени Малеванка, отличавшаяся повышенной степенью kleптомании и нездоровой любовью к чужим мужикам и дармовой выпивке.

Она выбрала безопасную позицию за забором и молча наблюдала за поисковой операцией. Это ее так увлекло, что она не заметила приезда Бориса Степановича – Волкова старшего! После недолгих и неловких приветствий всех со всеми, охотничий азарт охватил уже всю компанию. Даже Виталик, изрядно потрепанный дорогой, стал шариться по зарослям, которые, кстати, служили тыловой оградой. Зачем тратить на забор, если шипастый кустарник столь же непроходим, как стена с колючей проволокой.

Димон, осознавая тщетность этих поисков, стал бросать недобрые взгляды на Малеванку и задавать ей неудобные вопросы. Через минуту-другую Малеванка раскололась и призналась, что последний гусь находится как раз у нее, судьба же остальных ей неизвестна (позже выяснилось, что она продала их другим соседям). Но поскольку она была откровенно напугана злобными взглядами Димона и обвинениями в ее адрес, то любезно предложила отдать злополучного гуся отцу Димона. Вместе с ним она ретировалась через дорогу в свое жилище. Где у них состоялся прелюбопытнейший разговор, в котором Малеванка поделилась страшной тайной.

– Понимаешь, Степаныч, – начала издали Малеванка, – гусь у меня, но у него не хватает одной ерунды.

– Какой еще ерунды? – насторожился Степаныч.

– Он нормальный и утром бегал – горячо продолжила Малеванка увещевать Степаныча, – но так получилось, что я не знала, что Дима приедет сегодня, поэтому...

С этими словами Малеванка положила на стол перед Сепанычем крупного гуся в белых перьях, уже слегка окоченевшего. У него действительно не хватало одной ерунды. Он был без головы!

Подозреваю, что бесславная его кончина за несколько часов до приезда хозяина и подкосила Димона сильнее всего. А это, в свою очередь, подтолкнуло колесо событий на следующий уровень.

Веселящийся Степаныч, уставший Виталик и совсем поникший к вечеру Димон, поужинали, выпили, помянули павших, подняли здравицу за уцелевших, наконец-то расслабились. После ужина Степаныч уехал домой, а товарищи остались ночевать в разоренном, но не покоренном, доме Димона. Виталик неожиданно воспрянул духом и стал проявлять нездоровое любопытство относительно местных красавиц. Быстрый обзвон соседей не выявил претенденток скоротать вечерок в приятной мужской компании. Немного посетовав на судьбу и смирившись с перспективой тихого вечера, не наполненного женским обществом, наши герои вышли покурить. И тут их взору неожиданно предстал силуэт, очертаньями явно намекавший на свою принадлежность к слабому полу!

Силуэт с трудом стоял на ногах, судорожно хватался за калитку и порывался продолжить движение в неизвестном направлении. При более пристальном рассмотрении, он был идентифицирован, как соседка с красивым именем Светлана. Димон затеял было церемонию знакомства, перемежая ее громкими эпитетами в адрес неожиданной гостьи, однако быстро устал и, скомкав процедуру, затащил даму в дом. На безбабье, как говорится, даже Света оказалась вполне себе бабой. Она составила компанию друзьям в качестве неодоушевленного предмета интерьера, к которому Димон иногда обращал свои реплики, сетуя то на соседей, то на превратности судьбы.

Виталик, быстро понял бесперспективность общения с этим молчаливым существом, самозабвенно поглощавшим водку, заострил своё внимание на быстром исчезновении спиртного в утробе Светланы. Усталость, алкоголь и тупизна происходящего свалила, в конце концов, неутомимого водителя. Чего нельзя было сказать о Димоне, впавшего к тому времени в лирическое расположение духа и требующего продолжения банкета. Света была осыпана комплиментами и всевозможными признаниями ее достоинств, после чего была торжественно приглашена жить в Сещу. Могучий организм Димона и тренированное тело Светы под утро стали сдавать и сон сморил и их на рассвете.

Утром Виталик, проснулся отдохнувшим и посвежевшим, засобиравшись в обратный путь. Две непреодолимые преграды встали у него на пути: молодецкий сон Димона и несобранное имущество, ради которого они сюда и приехали. Преодолев первую трудность и растолкав кое-как товарища, Виталик столкнулся с еще большим препятствием – похмельем последнего! Димон не мог устоять перед напором торопящегося Виталика и поставленный в строй своевременно выпитой банкой пива, стал собираться, давая подробные указания, что и откуда надо брать. Но поскольку толку от этого было мало, то сборы плавно перешли в руки Виталика и стали носить торопливый и неорганизованный характер. Апатичность и другие, сопутствующие похмельному синдрому, обстоятельства подорвали силы Димона. Он лишь ходил с бутылкой пива по стремительно пустеющему дому, раздавая ЦУ.

Ограниченные размеры машины и трезвая оценка ситуации заставили Виталика самому решать, что брать, а что нет. Впоследствии мой друг сокрушался по поводу критического отбора Виталика и его приоритетах в выборе вещей, но тогда от здравого анализа ситуации его отвлекла неожиданная находка в лице Светы.

Она стала требовать внимания и опохмела, чем окончательно сорвала сборы и придала всему происходящему ощущение легкой истерии. Тем временем Димон, позавтракавший пивом и вернувший себе хорошее расположение духа, спросил, поедет Света ли с ним. А та, неожиданно для самой себя, взяла да и согласилась. Однако Виталик, к тому моменту изрядно озверевший от собственной деятельности по упаковке и утрамбовыванию вещей, обратил внимание собравшихся, что свободное место в машине есть только одно и находится оно рядом с водителем, то есть, с ним, а подобное соседство на протяжении столь долгого пути, вовсе не входит в его планы!

Опохмелившуюся компанию это обстоятельство несколько не смутило и Димон, пристроив Свету к себе на колени, велел Виталику трогать. В конце концов, экспедиция, увеличившись на одного незапланированного человека, четырех кур, полубезумного петуха и обезглавленного гуся, венчавшего весь это паноптикум, к обеду выехала в Сещу. Дорога обратно уже не носила характер увеселительной поездки с непринужденной болтовней под пиво, а была насыщена песнями, ссорами и истошными криками Светы. Виталику, с одной стороны, было очень забавно это наблюдать, а с другой, он оказался вынужденным участником этого сборища, о чем ему постоянно напоминала пьяная парочка, размахивавшая руками и бутылками у него перед носом. К вечеру, вконец вымотанный, Виталик доехал до места, вытряхнул порядком надоевших попутчиков со всем скарбом у нового дома Димона и поспешно отбыл в Москву.

Итак, Света оказалась в России! Конец сентября в Сеще встретил Свету легкой прохладой и недоумением по поводу ее экипировки. Резиновые тапочки, ободранные джинсы и легкая майка составляли весь нехитрый Светин гардероб. В качестве приданого она захватила с собой лишь застарелый алкоголизм и патологическое нежелание работать. Лишь к следующему утру она окончательно осознала весь ужас происходящего и свое местоположение в пространстве. Первым естественным ее желанием было рвануть домой пешком. Но расстояние в полтысячи верст и летняя одежда вкупе с нарастающей, как снежный ком, необходимостью опохмелиться, заставили ее остаться.

Димон, пожалуй, был обескуражен не меньше своей новоиспеченной подруги. Ее появление в своем доме он воспринял очень близко к сердцу и был готов всячески поддержать порыв девушки немедленно отправиться в обратку. Но благоразумие взяло верх и Свету решено было оставить до выяснения возможностей ее депортации. А до тех пор она переводилась на жесткие условия содержания – полную алкогольную диету и трудотерапию.

Первую неделю Свету колотило и колбасило так, что казалось, будто ее зубы жили отдельной от нее жизнью, выбивая причудливую дробь в стиле раннего «Дипёрпл», каждый раз когда она открывала рот. Температура скакала вверх и вниз, как кабинка на американских горках. Но прошла неделя и строгий режим ЛТП, чистый воздух, психотерапия и Божья помощь, сделали своё дело. Света стала походить на человека, не просила выпить и не старалась забиться в угол. Теплая вода и мочалка довершили метаморфозу и Света стала похожа на женщину, немного мужеподобную, но все-таки, несомненно, женщину.

Ее приодели в то, что было, и стали привлекать к общественно полезным работам. Она перебирала картошку, возилась на огороде и готовила еду. Узбек Миша был просто счастлив, ожидая увидеть в ее лице одновременно кухарку и давалку. Но Света, как оказалось, вернула себе человеческий облик не только снаружи, но и внутри. Вследствие чего выяснилось, что у нее вполне конкретные matrimониальные планы и Миша-узбек, будучи мужчиной женатым, был признан бесперспективным, а значит, к телу допущен быть не мог.

Обновленная и твердо вставшая на путь исправления Света стала частым гостем в моем доме. Она была допущена к готовке и уборке. Параллельно она наводила блеск и видимость уюта в Димоновой берлоге. Месяц пролетел незаметно. Света в те дни делала массу полезных дел и была нарасхват в обоих домах. Наверное, это и был ее звездный час. Димон же, восхищенный своей программой реабилитации алкоголизма, ходил напыщенный и гордый собой. В те дни мы все дружно звали Свету пациентом и пели дифирамбы Димону по поводу его необыкновенной крутизны.

Но программа реабилитации оказалась нестабильной и этой самой нестабильностью выступил мой сосед Миша-мореман. Он вернулся домой из своего алкогольного турне и отметил свое возвращение непродолжительным домашним запоем. В ту пору, на свою беду, Света крутилась у меня во дворе и была идентифицирована соседом как женщина. Под предлогом помощи в наведении порядка в доме Миша утащил ее по месту своей дислокации. Димон решил подстраховаться и прочел Мише-мореману целую лекцию о недопустимости спаивания пациента. Мореман внимательно его выслушал, клятвенно заверил, что все понял и, выпроводив Димона, сразу накатил Свете стакан водки для поддержания беседы.

Мы не видели Свету три дня и три ночи. Все бы ничего, но на второй день запоя Светы собралась вторая экспедиция в Мозоли, в которой Света должна была быть чуть ли не самым заинтересованным лицом. Но по причине отсутствия всяческого Светино присутствия, эта поездка состоялась без нее. Прошла она спокойно и заняла всего сутки времени, практически завершив исход Димона из деревни Мозоли. Когда Света вынырнула из дурмана, он уже вернулся домой. Горе и разочарование ее не знало границ, но дело было уже сделано.

Димон снова начал нянчиться с реабилитацией Светы, ибо он вдруг выяснил, что не просто дурь и безответственное отношение к жизни, а тяжелая психологическая травма, заставляет ее вести себя именно так, а не иначе. Мы все дружно посочувствовали этому факту и жизнь покатила дальше. Единственным неприятным последствием тех событий стало напряжение в отношениях с Мишой-Мореманом.

Яблоки, яблоки, яблоки уродились в ту осень просто в невероятных количествах и пылкий ум Димона подкинул идею надавить из них сока – идеального виноматериала. Для этого я разыскал в Москве соковыжималку и привез ее в Сещу. Конечно, я разочаровал своего друга, купив не промышленный ее вариант за десятка полтора тысяч, а простенький бытовой.

Но время яблок к тому моменту подходило к концу и Света была срочно рекрутирована на эти работы.

Ударный Светин труд был осязаем уже через неделю в виде 60 литров молодого сока, который начал свой недолгий процесс превращения в сидр. Под такое важное мероприятие была задействована вся возможная и невозможная тара, как то: пластиковые бутылки, канистры и даже бочка. Это был удачный проект, учитывая, что последнюю бутылку вина мы выпили в конце января. До сих пор не пойму, как мы смогли выпить 60 литров за пару-тройку месяцев.

К тому времени Света вновь встала на путь нравственного и физического очищения. Она была ограждена от моремана, и без того редко высывывавшего нос из своего дома, и любого алкоголя. Димону даже удалось устроить ее на ферму дояркой, кем она и без того проработала всю свою жизнь. Тем временем наступил декабрь и пребывание в Сеще Миши-узбека подходило к концу. При непосредственном участии хозяина Светы – Димона, я заключил с ней договор о ее проживании в моем доме, ведении в нем хозяйства и уходе за скотиной. Казалось, что жизнь налаживается даже с отъездом домой Миши-узбека.

Я отвез Мишу-узбека в аэропорт, где мы и простились, а Света вступила в мой дом уже на правах полноценного работника. В этом качестве ее хватило на два неполных месяца и алкоголь вновь победил, оставив меня в феврале без работника и без малейшего понимания, где найти нового.

Дембельским аккордом Светы стала невероятная история. Однажды поздним вечером она позвонила мне и, давась слезами, стала причитать:

– Дима, зайка, что мне делать? Как быть?

Несколько минут я пытался пробиться сквозь ее рыдания и понять, что происходит. Кроме того, что она пьяна, я не понял ничего. Наконец-то Света закончила затянувшуюся вступительную часть истерики и выдохнула единым махом, что она беременна. Тяжелым камнем упала пауза между нами. Света, выждав секунд тридцать, решительно вернула инициативу разговора в свои руки и, дав мне как следует переварить услышанное, продолжила уже почти спокойным голосом.

– Понимаешь, я не знаю как мне быть, но знаю точно, что беременна – отрезала Света.

Глупо было спрашивать, от кого, учитывая, что дееспособное мужское население деревни составлял только один человек. Тем не менее, как, наверное, любой мужик, узнавший о беременности женщины, не важно какой, я впал в легкий ступор и стал выдавать на гора тупые вопросы:

– Кто он? Давно? Ты точно уверена?

Света терпеливо выслушала всю эту галиматью и стала резать короткими, как удары под дых, фразами:

– Дима все знает (еще бы он не знал, учитывая его стопроцентное отцовство). Он теперь запрещает мне работать. Сказал, что заберет ребенка себе, а меня вышлет домой. Что мне делать?

Пауза...

К этому моменту разговора я пришел в себя и перешел в наступление.

– Света, никто не сможет забрать у тебя ребенка, – вступился я с ходу за ее честь и достоинство. И с жаром продолжил: – Все будет хорошо, я приеду и поговорю с Димоном.

Вдруг осознав, что Света явно бухая, я стал ругать ее и, быстро скомкав разговор, отключился, терзаемый дурными предчувствиями. Способность трезво мыслить вернулась ко мне только дома. Стало понятно одно – ничего пока точно неизвестно и для выяснения всех обстоятельств нужно ехать туда. Мой друг традиционно не выходил на связь и разобраться во всем можно было только на месте.

Через несколько дней мы уже были в Сеще, где нас встретили голодные бараны, недоенная коза, запустение в доме и совершенно пьяная Света. Она торжественно объявила нам, что все нормально, она не беременна, ей просто показалось. Три дня эта история держала меня в напряжении, заставляя перебирать разные варианты, что делать с ней и ее ребенком. Три дня я материл на все лады Димона, который заявил мне, что он снимает с себя всякую ответственность за привезенную им же Свету. Тем самым, видимо, вешая эту самую ответственность на меня. Три дня я портил нервы всем окружающим своим мрачным настроением. Три дня Светиных звонков и истерик... и все кончилось в один миг пшиком. Света просто нашла способ, чтобы сорваться в штопор.

Сначала Свету выгнали с работы доярки. Систематический запой не прошел незамеченным и ее в не особо вежливой форме попросили убраться. Потеря работы усугубила и без того непростое положение дел и Светы. Она заперлась на пару дней в доме, не показывала оттуда носа, лишь вечерами совершая набег на кафе в поисках пойла. Скотина была заброшена. Лишь Димон и соседи позаботились о том, чтобы загнать ее в стойло, подбросить сена и подоить.

По приезду, я застал Свету в скотском виде и призвал к ответу. Она молча слушала мои обвинения и угрозы выгнать ее ко всем чертям. Когда я перешел к расспросам о ее беременности и спросил, почему не доена коза, Света вскинулась и, подбоченившись, неожиданно гордо заявила:

– А хрен ли я должна перед тобой отчитываться!

Это стало для меня последней каплей и я изгнал Свету из своего Эдема.

Она, конечно, не испарилась из жизни моей деревушки и вскоре вновь появилась в нашем поле зрения, счастливая, пьяная и с мужиком. Весь нехитрый набор ее желаний наконец-то осуществился. Дальний сосед, полубомж, и стал счастливым обладателем ценного приза в ее лице. Света обрела мужика и статус подруги вороватого Тараса со всеми его проблемами и новыми, но такими привычными, для нее заботами. Но это уже совсем другая история...

Баня

Традиции складываются не сразу и не вдруг. Постоянное повторение одних и тех же действий в одно и то же время, собственно и порождает традиции. Так и у меня в деревне стала рождаться одна из таких традиций. Называется она – осеннее обострение строительных работ. Так сказать, успеть до снега что-нибудь построить. К концу 2013 года Димон вдруг пришел к ужасному заключению, что у нас обоих нет бани. У всех уважающих себя соседей есть, а у нас нет. И надо бы эту несправедливость исправить – построить себе баню и будет нам счастье.

Первоначально счастье предлагалось разместить у Димона во дворе, в сарае, он соответствовал заявленным размерам. На это мероприятие были брошены все наши силы в лице Миши-узбека и Светы.

Пять дней они разгребали завалы и растаскивали остатки сгнивших строений вокруг сарая, обреченного стать баней. Пять дней под командованием Димона менялся ландшафт на вверенной ему территории, площадь вокруг сарая-бани была расчищена и являла собой картину «последствия налета вражеской авиации». У стены сарая-бани раскинулись жалкие остатки некогда могучей кучи угля. Местами торчали гнилые обрубки бревен, глядящие из земли с молчаливым укором небесам. Комья грязи вокруг, стремились сбиться в кучи равномерным бруствером-полукругом, охватывая будущую баню, и отрезая подступы к ней врагам и возможным диверсантам со стороны огорода.

В общем, хаос запустения сменился хаосом созидания и утешал лишь мыслью, что вход в баню находится во дворе, куда маховик субботника еще не докатился. Как бы то ни было, но дело было сделано и усталые Миша-узбек и Света, вместе с довольным дизайнером проекта, подгоняемые непогодой, закончили предварительную расчистку местности.

Начиналась вторая фаза проекта – подготовка самого сарая к предстоящей метаморфозе. На этом этапе начались неожиданные трудности. По всем расчетам, сарай не мог преобразиться в баню. Он оказался слишком хлипким, мал размерами, ненадежен крышей и стенами, обилие дыр сводило на нет все попытки сделать его хоть отчасти герметичным. Одним словом, сарай вдруг оказался полностью непригоден для банного проекта, ибо при любых усилиях и затратах, он все равно оставался сараем. Над нами навис крах всей нашей задумки, но не таков был Димон, чтобы склонять голову перед вызовом судьбы.

Был выдвинут новый проект – построить баню с нуля у меня во дворе, как изначально и предполагалось, не прибегая к ударному труду по очистке территории его участка. Полный проект бани был готов давно и придумывать велосипед не имело смысла. Выбрали место сделали разметку и, под чутким руководством Димона, приступили. Предусматривалось, что баня будет покоиться на четырех бетонных блоках и будет она каркасно-щитовая. Сердцем бани будет печка-каменка, которую обещал сложить мой друг. Сроки реализации постройки укладывались в один месяц, как раз до предполагаемых холодов.

Мы с энтузиазмом взялись за дело, установили 4 бетонных блока по периметру залили их раствором и радостно отметили начало работ, предвкушая скорое их окончание. Следующий день полностью отражал наше самочувствие, был мрачным, дождливым и болезненным, но пионерский задор пламенел в наших сердцах и требовал выхода наружу.

Мы выпилили нужное количество балок, скрепили их в жесткую прямоугольную двойную раму и установили на бетонных блоках основания. Рама прочно легла на блоки, смущало лишь одно, она не закрывала полностью блоки, и прикрывала лишь их треть...

В разметке и установке блоков была допущена ошибка. Размер короба бани был явно меньше, но переделать конструкцию бани было уже невозможно, а выковыривать блоки из застывшей цементной подушки удовольствие было сомнительным. Димон развел руками и покаялся в ошибке, но тут же уверил меня, что это допустимый просчет и блоки выдержат

вес бани т.к сама конструкция бани каркасно-щитовая и вес ее невелик. Мы доверились его уверениям и продолжили стройку.

Установив двойную раму на блоки мы тем самым приподняли пол бани от земли на 40 сантиметров. Начало было положено далее нам предстояло собрать остов коробки и обшить его листами ОСП. И с этой задачей мы справились за пару дней, явив изумленному взору соседей прямоугольную коробку без окон, но явно с дверью, не видимой с улицы. Все это великолепие я гордо величал баней и был горд собой до чрезвычайности. Миша-узбек разделял мою радость и похлопывал по плечу меня и Димона. Света же свои эмоции скрывала, явно опасаясь новых физических испытаний. Димон молча ходил вокруг строения, вынашивая новые планы. Творец что тут скажешь.

Следующим этапом стройки была, конечно, крыша и стропильная система. В этом месте энтузиазм главного архитектора Димона, начал давать первые сбои. Изготовление и установка фронтонов прошли уже не запятнаны молодецким порывом нашей бригады. Но тем не менее очертание крыши уже не просто угадывалось, а обретало законченную форму двускатной. На одном дыхании я установил обрешетку на стропила крыши и мы вновь дружно похвалили друг друга за ударный труд и близкое окончание проекта. Пока мы с Мишей-узбеком возились с обрешеткой крыши Димон занимался фундаментом будущей печки. Он выложил, утеплил и догнал его до уровня пола с отцовской любовью создателя.

Тем временем встал вопрос о покупке кровли и кирпича для печки. Холода все настойчивей напоминали о своей близости, и без того, припозднившейся зимы. Я выехал в Брянск за кровлей и красным кирпичом. Предварительно мы с Димоном прошерстили строительные конторы и сделали заказ на то и другое и моя миссия сводилась к оплате и договоренности о доставке.

Брянск оказался дружелюбным городом и позволил решить мои дела до обеда. Так что вполне доволен собой после обеда я выехал в деревню. Кирпич и кровлю должны были доставить в ближайшие дни, а пока можно было заняться внутренним обустройством бани.

Димон обозначил нам с Мишей-узбеком задачу по обшивке доской внутреннего помещения бани и мы с бесшабашностью одержимых бросились ее выполнять. За пару дней мы обшили доской всё банное нутро и были готовы выполнить новые распоряжения своего строительного Гуру.

Но чем нетерпеливей становились мы, рядовые участники стройки, тем больше мрачнел наш идейный вдохновитель. Всё было готово для возведения главного таинства нашего проекта – печки. Привезли кирпич, кровлю. Можно было начинать кладку печки...

Вот тут и произошел сбой – у нашего творца пропал запал. Он откладывал начало закладки печки, ссылаясь на плохое настроение, плохую погоду, и прочие невзгоды, не дающие ему начать и кончить нашу стройку, а самое главное на зловерное влияние моей подруги – Оли.

Отношения между моей Ольгой и Димоном, заслуживают отдельной главы, о них следует упомянуть отдельно, ограничусь пока лишь тем, что они находились в состоянии вооруженного нейтралитета. Планы попариться в этом году становились эфемерней день ото дня.

Пришла зима и Мишу-узбека вызвали домой, дочь выходила замуж. Он засобирался домой, бросая грустные взгляды на почти достроенную баню, явно не рассчитывая не только попариться, но и увидеть ее законченной. Мрачные предчувствия стали одолевать меня все чаще. Ближился конец 2013 года и вместе с ним замораживание проекта до весны.

Димон хранил гордое молчание и игнорировал все мои вопросы. Складывалось впечатление, что он сам замораживает все отношения со мной и всем человечеством до весны. Одним словом, он залегал в зимнюю спячку. Впрочем это тоже становилось традицией, как и осенняя стройка.

Миша-узбек улетел к себе домой, я уехал в Москву на работу, Димон ушел в добровольное затворничество, Света готовилась встречать новый год, а недостроенная баня стояла памятником долгостроя у меня во дворе с непокрытой кровлей и не выложенной печкой до лучших времен.

В Новом году зима принесла новые заботы: выдворение Светы из моих чертогов, находку работника для моего хозяйства, появления нового персонажа Наташи, принесшего нам всем не мало хлопот, прирост моего поголовья и еще много разных мелких и не очень забот.

С первым теплом в деревне, наступило и оттепель наших подмерзших отношений с моим другом. Он стал выходить из режима затворничества и все чаще бывал у меня дома где мы в конце концов снова вернулись к вопросу постройки бани. Оказалось, что он был обижен моим не вниманием и исполнительностью на четко поставленные им задачи. Полоки в бане я сделал не так, часто препирался с самим автором и вдохновителем проекта, требовал постоянно объяснений, да и вообще был кругом виноват.

Вот такой незамысловатый вывод можно было сделать из нашего разговора по душам. Ну и конечно, злобредное влияние моей Ольги на весь банный проект и тонкую душевную организацию Димона, в частности, стало камнем преткновения.

Всё услышанное вызвало у меня желание послать моего друга подальше и найти другого печника, но Димон уловил мое намерение снять его с должности Творца и неожиданно пошел на мировую и снисходительно решил закончить начатое дело. Часть обвинений с меня было снято сразу, часть подверглась пересмотру и отправлено на дознание. Одним словом, проект был реабилитирован, и требовал новых усилий и жертв с моей стороны.

Новые условия труда печного гуру подразумевали наличие не менее двух помощников, выполняющие всю грязную работу, дабы самому не отвлекаться на пустяки и творить. Я провел мысленно инвентаризацию наличествующих рабочей силы, потенциальных помощников и по совместительству соучастников банного проекта, пришел к неутешительному выводу, что их нет в радиусе пятидесяти километров.

Себя в расчет я не брал, в связи с нестабильностью моих появлений в деревни. Пересчитав еще раз список помощников понял, что это очередная отмазка и завуалированное не желание довести дело до конца. Банный проект явно требовал нового печника. Крышу я мог закончить и самостоятельно.

На следующий день Димон почтил меня утренним визитом и объяснил мне как, делать контробрешетку под лист металлочерепицы, ограничился краткой лекцией о необходимости этого улучшения и царственно удалился в свою резиденцию, предоставив мне возможность поработать самому. Чем я занялся, прекрасно проводя время на крыше в одиночестве.

Лишь через неделю мне удалось закончить кровлю, в следующий свой приезд домой. Не очень рассчитывая на помощь Димона в этом вопросе я привез с собой целую команду помощников в лице своего сына Никиты и друга Жени.

Традиционно мы получили наставления что и куда нужно крутить от нашего архитектурного гения, с Божьей помощью мы настелили и прикрутили все листы на место. Баня, внешне по крайней мере, выглядела законченной. Последним этапом в установки кровли был конёк. Он требовал навыков, а главное понимания как мне взгромоздиться на самый верх и закрепить его там.

Конёк состоял из трёх частей 2-ух метровой длины каждый и должен был крепиться внахлест. Штурмовая лестница, которую я соорудил в самом начале своих кровельных работ, могла крепко держаться лишь за верхний край листа металлочерепицы и наотрез отказывалась держаться за незакрепленный конёк, однозначно гарантирую мне падение. О том, что на лестнице можно нарастить специальный «зуб» мне почему-то в голову не пришло.

Опытным путем я установил, что и на закрепленном коньке лестница отказывалась цепляться своей перекладиной, посему была отвергнута. Итак, первую планку конька и прикру-

тил оседлав крышу и продвигаюсь ползком. Так же я поступил со всеми остальными частями, ползая по ним я достиг края крыши где кое-как смог спуститься.

Гордясь собой я окинул взором дело своих рук и пришел в ужас. Конёк был местами продавлен и основательно отрихтован собственной задницей и имел слегка пожеванный вид. Я воочию смог убедиться в глубоком смысле фразы «сделано через задницу». В данном случае через мою.

Впрочем выйдя со двора домик бани выглядел очень уютно и симпатично и пожеванный конёк не бросался в глаза. Свой этап постройки я закончил. Оставалось ждать вспышки активности от своего друга, но я все больше стал склоняться к поиску печника, не очень доверяя перепадам настроения своего друга.

Лишь осенью мы вернулись к банному вопросу. Вопросу который висел почти целый год камнем у меня на душе. Понадобился год усилий, угроз, уговоров и удачного стечения обстоятельств, в лице моего друга Лёхи.

Стоит упомянуть об одном событии, которое стало ключом к осуществлению проекта и возможности довести дело до конца.

Лето пролетело на одном дыхании и ознаменовалось лишь одной грандиозной постройкой, имеющей к банному проекту косвенное отношение – уличной печкой. Печкой, которая должна была стать прототипом банной печки.

Своим рождением эта печь обязана случаю и моей настойчивости. Идеологом как обычно стал Димон, которому приспичило пожарить шашлыки. В душевном порыве он предложил сложить, давно задуманную, уличную печь.

Умудренный горьким опытом и нестабильностью тонкой душевной организации своего друга, я вначале отказался на отрез, мотивируя тем, что это невыполнимый проект с его стороны. Волна негодования окатила меня, как волны омывают камни, и спала ключьями обвинений в моем неверии в его гений печника. Я стянул пену обидных слов и предался внутреннему созерцанию собственной правоты.

Димон, сопел еще какое-то время и выдал из себя, что прямо сейчас соберет эту печку на «сухую», т. е. просто сложит ее из кирпичей без раствора. Я выразил сомнение, и готовность поддержать его если он все сделает одним днем.

Сказано сделано. Мы вдвоем достаточно быстро выложили фундамент-основу и стали возводить на нем «арийскую» печь. Впрочем складывать «на сухую» оказалось вдвоем не сложно и работа заняла несколько часов.

На мой взгляд получился слегка мутированный вариант русской печки с обрубленной трубой. Не будучи печником, трудно судить, но выглядела она именно так. Она состояла из двух основных отделений, в одном из которых разводился огонь (нижний отдел), во второе отделение печи поступал разогретый дым и воздух, там же сверху была установлена плита, которая быстро нагревалась. Из второго отделения воздух закручивался вверх и уходил в короткую трубу, которая начиналась сверху у самого входа второго отделения. Собственно оба входных отверстия первого и второго отделения находились друг под другом. Все это поначалу выглядело непонятно, но как-то работающим.

Мы произвели пробную топку и были приятно удивлены результатом работы печки. Несмотря на «сухую» кладку, она моментально схватилась и разожглась, исправно поставляя горячий воздух во второе отделение, где мы разложили шампуры с шашлыками. Шашлыки обдувались лишь горячим воздухом без огня, при том, что огонь снизу заворачивался вверх длинными языками и порой облизывал мясо на шампурах. Дым сразу улетал в трубу и был почти бесцветным. То о чем так долго мне толковал Димон – бездымный режим, показатель высокого КПД печи и эффективного сгорания, я увидел воочию.

Примерно час нам потребовался на приготовление мяса, которое по вкусу было и не жареным и вареным, скорее больше тушеным и очень вкусным. Показательное выступление удалось. Осталось за малым, разобрать опытный образец и сложить ее в рабочее состояние. К счастью, собранная нами конструкция помогла сразу выявить несколько недостатков, которые мы учли при создании своего шедевра печного искусства.

Быстро сказка сказывается, да не быстро печка строится. Я понимал, что в этом вопросе нельзя терять темп работ, который прямо пропорционален энтузиазму моего друга. И потому мы начали на следующий день. Полностью разобрали печь для начала, подняли и укрепили фундамент печки, выложили почти первое отделение, осталось только перекрытие для него, как труба сыграла отбой. Нужно было уезжать. Окрыленный результатами я уверовал, что Димон закончит печь сам, учитывая его уверения в том, что это займет один рабочий день.

Но все получилось в лучших традициях, в следующий свой приезд я застал уличную печь в том же виде в каком видел ее последний раз. Злость и обида захлестнули меня и я обрушил поток упреков на голову Димона, пригрозил закончить все отношения на этом.

Так угрозами и упреками я загнал его к себе во двор где мы продолжили свой труд. В этот приезд удалось закончить второе отделение печи. И снова мне пришлось уехать так и не увидев, готовую конструкцию. Лишь на третий свой приезд мы полностью закончили печь. Она была прекрасна! Теперь она не дымила из всех щелей, а замечательно горела, перемалываемая в своем нутре все, что только могло сгореть. Шашлыки получались еще вкусней чем в тестовой печи, и второе отделение прекрасно подходило для томления блюд.

Это конструкция и явилась базовой для банной печки. Участвуя в сборке этой печки я получил наглядное представление о постройке печи, ее особенностях и пониманию, что смогу собрать подобную печь сам.

Осень привычно спровоцировала всплеск трудовой активности у меня. Появилась возможность подольше побыть в деревне и я, наконец-то, решил поменять полы в доме. Относительно не сложная операция заняла у меня две недели, но результат вдохновил меня на новые свершения.

Вернувшись на работу, я быстро восстановил силы, потраченные на установку новых полов, частичную штукатурку в доме, боевые действия с соседкой и изматывающую помощь моего друга. Воодушевленный достигнутыми успехами рвался в бой снова.

Приехав в деревню я точно знал, чем буду заниматься, учитывая временный отъезд своей работницы Гули. А работы в доме, как обычно, было не початый край. И тут неожиданно негданно меня разыскал мой старый друг Лешка.

Мы не виделись 20 лет и я стал активно зазывать его к себе в деревню, отпраздновать мой день рождения и оценить своё хозяйство. Лешка более 15 лет строил дома и бани, и мне очень хотелось получить у него консультацию. Порядком подустав от непостоянства Димона, мне требовался свежий взгляд со стороны.

Приезд Лешки превзошел все мои самые смелые ожидания. Он согласился погостить у меня пару недель и помочь со стройкой, и самое главное запустить наконец-то баню. Я отнесся к такому заявлению скептически, и как показало время совершенно напрасно.

За два дня мы построили в доме комнату, обшили стены панелями ГВЛВ и обратили наши взоры на баню. Димон почтил нас к тому моменту своим визитом и завязал разговор с Лехой. Состоялся первый раунд переговоров теоретика с практиком.

Лешка, с безжалостностью терьера, стал терзать Димона вопросами: чем обоснован такой небольшой размер бани; почему именно печь каменка если площадь для нее слишком мала; почему контробрешетка сделана наоборот и т. д. Этот технический диспут я выслушивал пару часов. Общение длилось весь вечер и кончилось ни чем, каждый остался при своём мнении и правоте.

На другой день мы приступили к работе. Лешка вынес вердикт – никакой печи каменки, только железная. Мотивируя размерами бани слишком малыми для каменки. Стены нужно перебрать, а полы утеплить. Я стоял ошарашенный, предстоявшим фронтом работ, и прикидывал в каком году мне удастся попариться.

Лёха деловито походил вокруг бани и сказал.

– Так, поехали в город за печкой и займемся делом.

– В город? Мы не будем читать отзывы – робко поинтересовался я у него.

– Отзывы нам Димон зачитает позже. Мы едем покупать печь – отрезал Лёха.

Мы быстро закинули себя в машину и рванули, уже привычным маршрутом, в город Рославль за баннным счастьем. День переставал быть томным.

Славный город Рославль не мал и не велик, не далек и не близок, и обладает своей неповторимой харизмой маленького Русского городка районного масштаба. Прекрасный Спасо-Преображенский монастырь, безусловно, является его главной визитной карточкой.

Если посмотреть на карту, то очертаниями Рославль напоминает голову собаки. Подозреваю, что это охранная собака. По сути он был перекрестком четырех дорог, все они буквально сходились в центре города переплетаясь в большой круг и образуя круглое перекрестье дорог. Направо пойдешь в Москву попадешь, налево свернешь в Беларусию придешь, прямо рванешь до Смоленска дойдешь, а назад повернешь до Брянска скакнешь.

Как бы то ни было, Рославль вмещал в себя: четыре пилорамы, по одной с каждого конца города; два продуктовых рынка, как минимум три площадки по продаже стройматериалов; кучу различных магазинов; и один печной магазин.

Магазин печей полностью соответствовал образу всего города и жил неторопливой и загадочной жизнью. Не важно, что было написано на дверях о времени работы, важно то, что он был закрыт! Мы с Лехой еще раз внимательно перечитали режим работы магазина, но это явно не помогло и двери оставались в нем закрыты, а свет внутри не загорался. Тень отчаяния накрыла нас свинцовыми тучами. Мы уже приготовились уехать не солоно хлебавши, как дверь магазина открылась и нашему взору явилась молодая женщина. Она с без всякого интереса посмотрела сквозь нас и закурила...

Минуту спустя мы выяснили, что в дверь нужно было громко постучать. Кто бы мог подумать! Мы зашли в вожделенные чертоги печей и печурок и провели быстрый осмотр экспонатов. Лёха неторопливо обошел представленную коллекцию печей и аксессуаров за полминуты. Скажу прямо, многообразием выбора магазин не поразил наше воображение.

Лёха критично еще раз осмотрел все печи и вдруг радостно ткнул пальцем в самую дальнюю печь.

– Берем вот эту – безапелляционно заявил он.

– У нее встроенный бак для воды и я с ней уже работал – сказал, как отрезал, Алексей.

Продавщица внимательно выслушала нашу заявку на покупку и радостно сообщила нам, что с банковскими картами магазин не работает. Мы попытались выяснить у нее как можно решить вопрос, но продавщица лишь пожалала плечами и заявила, что ей пора идти на обед. Война войной, а обед это святое.

За время ее обеда мы нашли банкомат, который не нуждался в перекурах и обеденном перерыве, и вернулись в единственный в Рославле магазин печей к сытой продавщице. На второй заход в магазин, мы купили печь, трубы и специальную «лягушку» на кровлю, умудрившись при этом вписаться в бюджет. Счастливые и довольные мы отбыли назад в Сещу.

Печку мы сразу прожгли на улице, дабы прогорела смазка. Вечером без труда установили печь на фундамент для каменки и накидали макет кирпичной стены, отделяющей парилку от моечного отделения.

Заинтригованный Димон не мог сдержаться любопытства и почтил нас визитом. С важным видом он оглядел наше приобретение и... и промолчал. Оглядел наш макет кирпичной стенки.

– Печь говно, но стенку нужно выкладывать до потолка. – заявил Димонище, ни к кому конкретно не обращаясь.

– Если вы мне напилите половинок кирпича я выложу стену за два дня. – закончил он мысль, важно расхаживая по будущему моечному отделению.

Я отвел Леху в сторону покурить.

– Лёха, нужно ковать железо, пока Димон рвется в бой – затараторил я.

– Главное не дать ему остановиться, с каждым днем темп работ будет падать прямо пропорционально его производительности. – продолжил горячо пророчествовать я.

Лёха, молча кивнул мне и начал обсуждать с Димоном детали предстоящей постройки.

За три дня Димон действительно выложил стену из красного кирпича до потолка, отгородив парилку от моечной. Выглядело весьма впечатляюще, дверца печки была как-бы вмурована в стену и смотрелась естественно. Это стоило нам с Лехой нечеловеческой дозы терпения и прибавило седых волос.

Лешка сразу взялся за дело, возвел дверной проем между каменной стеной и боковой, обложил свежестроенную стену брусками-«замками», сколотил дверь и полез на чердак заниматься трубой.

Полдня Лёха возился на чердаке, пропиливая дырки в потолке и кровле, матеря всех кто пытался приблизиться к нему. Он состыковал все трубы и вывел их на крышу. Оставшуюся часть светового дня Лёха провозился с «лягушкой» и герметизацией трубы, ворча себе под нос, пока голод и наступившие сумерки не согнали его на грешную землю.

Лишь к вечеру, в торжественной обстановке, я пустил первый «дымок» в бане. Печь работала исправно, нигде ни дымила и тяга была отличная. Пришла пора улучшений и модернизации самой конструкции бани.

Модернизация вылилась в настилении полов; утепления стен, для чего понадобилось снять вся щиты с каркаса; укреплении потолка и утепление его посредством заливки глиняного раствора, который превращался в плиту. Апогеем модернизации стала вырезка маленького окошка в парилке. Баня теперь перестала походить на бункер с глубоко законспирированным входом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.